

УДК 930.26

С.Е.Торопов

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОГО ГОРОДКА ДЕМЯН IX — XV вв. В ЮЖНОМ ПРИИЛЬМЕНЬЕ)**

Гуманитарный институт НовГУ

The article throws a light on the main problems of studies in the medieval hillforts and settlement structures connected with them in the central part of the Novgorod land. The multilevel system and structure analysis is suggested to be the main methodological approach to their solution. The main results of Demyan hillfort (one of the most important medieval fortified settlements in the south of the lake Ilmen basin) archaeological investigations are briefly stated.

Остатки древних поселений — наиболее информативная категория археологических памятников. Для археологии Древней Руси разностороннее изучение поселенческих древностей уже в течение многих десятилетий является одним из главных исследовательских направлений. Спектр рассматриваемых вопросов этого направления вряд ли возможно охватить полностью, настолько он широк и сложен. В самом общем виде он может быть представлен как изучение различных аспектов среды, культуры и социума поселений [1]. С поселенческой тематикой теснейшим образом связано изучение проблемы древнерусской урбанизации и становления государственных институтов.

Неукрепленные поселения, селища — самая многочисленная и наиболее трудно выявляемая категория памятников. Укрепленные поселения — городища известны гораздо лучше, что обусловлено, как правило, наличием ярко выраженных признаков, таких, как особенности рельефа и/или остатки фортификационных сооружений. Меньшая численность городищ по сравнению с селищами также дополнительно привлекала к ним внимание исследователей.

Уже само по себе наличие фортификационных сооружений и относительная немногочисленность указывают на особый статус укрепленных поселений. Именно городища являются в большинстве случаев остатками территориально-административных, социально-экономических и культурных центров разного уровня, расположенных на вершине своеобразной иерархической пирамиды, в виде которой можно представить любую поселенческую структуру. Изучение таких центров, как бы аккумулирующих в себе значительную часть информационного потенциала некогда входившей в сферу их влияния округи, является одной из ключевых исследовательских задач.

Данные о городищах Ильменского региона начали собирать еще в первой половине XIX в. [2]. На сегодняшний день в Приильменьи, а также верхнем течении р. Луги и среднем течении р. Мологи по нашим подсчетам, за исключением таких центров, как Новгород, Рюриково Городище и Старая Русса (Руса), известно 31 укрепленное поселение, которые предвительно могут быть отнесены к древнерусскому периоду. На 12 из них проводились хотя бы незначительные по масштабам раскопки, остальные обследованы лишь визуально и/или шурфовками. Большая часть городищ (22), возникнув в конце I тыс. н. э., в эпоху славянской колонизации Северо-Запада и образования Древнерусского государства, видимо, прекращает функционировать в X–XI вв. На 7 укрепленных поселениях («Городок на Шелони», Косицкое, Марево, Молвотицы, Демян, Яжелбицы, Белое (Любытино)), возникших в тот же ранний период, зафиксированы культурные напластования более позднего времени. Они становятся локальными центрами разного уровня. Два населенных пункта (Кур на Ловати и Холм), вероятно, появились уже в эпоху расцвета новгородской независимости как крепости на важном речном пути и в дальнейшем также стали центрами административных образований.

В отечественной науке попытки классификации древнерусских городищ предпринимались неод-

нократно. Наиболее подробная типология, опирающаяся на археологические признаки (особенности плановой системы оборонительных сооружений и их взаимосвязь с формами рельефа) была разработана П.А. Раппопортом [3]. Эти признаки, значимые для изучения развития форм фортификационных сооружений, в то же время затрудняют социально-историческую интерпретацию памятников. Противоположный подход, основанный на использовании письменных источников, также является тупиковым по причине уже отмечавшейся выше многозначности понятия «город» в древнерусском языке и отсутствия каких-либо упоминаний в источниках о большинстве укрепленных поселений.

Весьма успешную попытку объединения обоих методических принципов сделал А.В. Куза в начале 1980-х гг. [4]. Он рассматривал русский средневековый город как многофункциональное поселение [5]. Одной из целей его разностороннего исследования стала разработка шкалы археологических критериев, с помощью которых можно было бы выделить малые города среди основной массы укрепленных поселений, а с помощью письменных источников проверить и уточнить полученные результаты. При этом учитывалась в первую очередь, совокупность нескольких признаков [6]. В результате из массива укрепленных поселений Руси X–XIII вв. исследователь выделил малые города как исторически сложившуюся категорию древнерусских поселений, внутри которой также существует несколько типов: удельные или волостные центры; сторожевые крепости; центры крупных феодальных вотчин. Друг от друга они отличаются преобладанием тех или иных функций, однако доминирование одной функции не означает отсутствие других [7].

В рамках современного исследования любое поселение рассматривается как сложная социально-пространственная, биосоциально-экономическая, динамическая, саморегулирующаяся система, находящаяся в определенной фазе развития. Такой подход позволяет говорить о существовании закономерностей в генезисе поселенческих структур [8].

Формирование и развитие поселения происходит в конкретной уникальной среде под воздействием природных, социально-экономических, политических, социокультурных и прочих факторов. Эти факторы являются параметрами надсистемы (метасистемы), в структуру которой поселение входит в качестве элемента, само являясь сложной системой [9]. Между ними нет четкого разграничения. Формируясь под влиянием параметров метасистемы (*градообразующих или «поселениеобразующих» факторов*), по мере своего становления поселенческая структура изменяет ее, привнося новые параметры. Вычленение из всей имеющейся совокупности наиболее значимых, системообразующих факторов — задача, без решения которой невозможно понять механизм возникновения и развития любого поселенческого комплекса.

Археология изучает поселенческие структуры и метасистемы большей частью уже несуществующие. В отличие от социологических наук, для которых поселение это «прежде всего системно-пространственный

процесс, а потом уже объект», археология имеет дело с «материально-пространственной сущностью» [10] предмета изучения, что существенно ограничивает ее исследовательские возможности при условии использования исключительно археологических методов и источников. Выходом из сложившейся ситуации является комплексный подход к изучению метасистемы поселения и среды, в которой оно сформировалось и функционировало. Суть его заключается, с одной стороны, в интеграции методик различных научных дисциплин, а с другой, в сопоставлении и синтезе первичных источников. Эффект комплексного исследования может быть достигнут лишь в его применении уже на историкокультурном уровне [11].

Исследователи неоднократно обращали внимание на отождествление центра (града/города) и волости на страницах источников. Подобное отождествление можно рассматривать как отражение реально существовавших социально-пространственных связей внутри поселенческой структуры. Возможным методом изучения таких связей по археологическим материалам является трехуровневый структурный анализ, включающий в себя исследования на микроуровне (отдельные сооружения и комплексы), уровне памятника (поселение как сложная система) и макроуровне (региональные связи) [12].

Наглядным примером подобной средневековой поселенческой структуры на территории Приильмения, на наш взгляд, может служить новгородский городок Демян/Демон, центр одноименной волости. Остатки летописного городка, соотносящегося с городищем Пески-I («Княжая Гора»), находятся в 8 км к востоку от современного поселка Демянск, на южной окраине д. Пески. Его административный статус подтверждается сведениями письменных источников, а имеющиеся археологические данные позволяют достаточно полно проанализировать и охарактеризовать различные стороны жизни поселения и его окружения на разных этапах существования.

Наиболее ранним является упоминание Демяна в летописном обзоре «А се имена всем градом руским, далным и ближним», составленном между 1375 и 1381 гг. и в дальнейшем откорректированном в 30-40-х гг. XV в. [13]. Более поздние летописные упоминания связаны с обострениями новгородско-московских отношений в 1441, 1471 и 1478 гг. [14]. После падения новгородской независимости под 1482 г. сообщается о пожаловании великим князем Демона и Моревы «и съ многими волостями» князю Федору Ивановичу Бельскому, бежавшему из Литвы [15]. Городок фигурирует также в текстах новгородско-литовских договоров 1431, 1441-42 и 1471 гг. [16]. Первое описание Демона содержится в переписной оброчной книге Деревской пятины 7004 (1495/96) г. [17]. Еще одно описание, сделанное 43 года спустя, можно найти в писцовой книге 7047 (1538/39) г. [18]. В XVI в. Демон вместе с остальными новгородскими городами указан в двух духовных грамотах великих князей 1504 и 1572 — 1578 гг. [19]. Наиболее поздним средневековым источником, упоминающим «монастырь Демон», является «Книга Большому чертежу» 1627 г. [20].

Городище, отнесенное П.А.Раппопортом к укрепленным островного типа [21], занимает вершину останца ледникового происхождения высотой 22-35 м, расположенного в долине р. Явонь, в излучине правого берега, напротив устья небольшой р. Кунянки. Площадка городища размерами 160×35-55 м вытянута в меридиональном направлении. С севера сохранились остатки въезда, прикрытого с напольной стороны валом. Какие-либо другие остатки фортификационных сооружений отсутствуют, однако явно читаются следы нивелировки поверхности площадки и эскарпирования склонов. Мощность культурного слоя возрастает в направлении с юга на север и достигает 1,5-2 м.

В ближайшей округе городища зафиксирован ряд археологических памятников, относящихся к разным хронологическим периодам, но являющихся элементами той же метасистемы: культурный слой на месте «посада» (Пески-II), средневековый грунтовый могильник (Пески-III) в урочище «Таборы» и «Кувшиновщина», две группы сопкидных насыпей (Пески-IV-V) и селище, крупный некрополь культуры длинных курганов у д. Липицы, место бывшего Липецкого Успенского монастыря. По данным начала XX в. известно о существовании еще двух погребальных насыпей и жальника, однако эти объекты либо не сохранились, либо еще не выявлены [22]. Выше по течению р. Кунянки расположены крупные археологические комплексы конца I — начала II тыс. н.э. у деревень Подгорье, Шульгина Гора и Хозюпино, попадающие в орбиту влияния укрепленного поселения. Вероятно, с округой городища связана и находка в 1833 г. клада из 35 дирхемов, единственного из известных нам в юго-восточном Приильмении [23].

Первоначальные сведения о памятнике собрал З.Доленга-Ходаковский [24], считавший, однако, городища не остатками поселений, а святилищами. В начале XX в. Н.И.Репниковым и В.Н.Глазовым было проведено первое археологическое обследование окрестностей памятника, предприняты исследования погребальных древностей и небольшие раскопки непосредственно на площадке городища [25]. Наиболее масштабные работы по изучению культурных напластований Демяна развернулись спустя 70 лет под руководством С.Н.Орлова. В 1973, 1976-78 и 1980 гг. им было раскопано около 1000 кв. м [26]. К сожалению, результаты работ остались неопубликованными. В 2007 г. полевые исследования были продолжены отрядом Старорусской археологической экспедиции под руководством автора.

Наиболее древние культурные напластования на площадке городища относятся к раннему железному веку и датируются V — VII вв. до н. э. На средневековом этапе существования поселения выделяются три фазы: «ранняя» (IX — X вв.), фаза «запустения» (XI — середина XII вв.) и «городская» (вторая пол. XII — XV вв.). Датировки этих периодов основываются на анализе археологического материала, прежде всего стратиграфии, стеклянных бус и керамики. На настоящем этапе исследований пока остается неуточненным хронологический рубеж между фазами «запустения» и «городской». Вопрос этот требует дополнительной проработки материала.

Городище возникло в узловой точке пути, соединяющего Центральное Приильмень с Поволжьем, что подтверждается упоминавшейся выше находкой клада арабского серебра. На наш взгляд, именно коммуникационный фактор стал одним из определяющих для развития поселения на ранней фазе. В свою очередь он был обусловлен местными естественно-географическими условиями, а также этнокультурными и социально-политическими процессами, протекавшими на территории Северной Руси. Еще одним важным фактором (параметром метасистемы) являлась этнокультурная ситуация в бассейне р. Куныянки, а именно присутствие значительных групп населения, оставившего памятники культуры длинных курганов. Главными функциями вновь возникшего укрепленного пункта в этот период, видимо, надо считать контрольно-административные. С другой стороны, городище, возможно, послужило опорной точкой для развития новой поселенческой структуры, отражением которой является ряд селищ и могильников с сопковыми насыпями.

Во время фазы «запустения» жизнь на городище, возможно, прекращается, что подтверждается практически полным отсутствием находок этого периода в культурном слое. На уровне верхней границы культурных напластований X в. зафиксированы следы средневековой пахоты. Единственными известными на сегодняшний день памятниками XI–XII вв. в бассейне р. Куныянки являются поселение и грунтовый могильник у д. Хозюпино [27]. Причины запустения поселения и его окружи в этот период, видимо, связаны с общей ситуацией в ряде регионов Приильмения (Ловать, среднее течение Пола, среднее Помостье и др.), где также наблюдается резкое изменение демографической ситуации, обусловленное как экономическими причинами, так и процессами формирования ядра новгородского государства [28].

С последней «городской» фазой развития поселения связан как его расцвет, так и окончательное запустение. Именно к этому периоду жизни городища относятся сведения письменных источников. Видимо, на начало данного этапа приходится проведение масштабных планировочных работ на площадке памятника и, возможно, строительство новых укреплений. Материальная культура этого периода имеет вполне городской облик, развиваются ремесло и торговля. Весьма вероятно, что уже на стадии работ по перепланировке на городище возводится первый храм, а через какое-то время в непосредственной близости появляется монастырь, впервые упоминающийся в переписной оброчной книге Деревской пятины 1495/96 г. (см. [17]).

Как и на «ранней» фазе, коммуникации имеют большое значение для жизни поселения, однако главную роль играют социально-экономические и политические факторы. К административным функциям городка как волостного центра добавляются функции приграничной крепости, которые, видимо, являлись в рассматриваемый период доминирующими. Подобное влияние социально-политических факторов и изменение своего статуса пережил не только Демян, но и некоторые другие периферийные центры Новгородской земли. Падение новгородской независимо-

сти, видимо, и нужно считать в итоге главной причиной окончательного прекращения жизни на городище и появления нового административного и социально-экономического центра на территории будущего уездного города Демянск.

Несколько лет назад В.Л.Васильевым на основании прежде всего топонимических данных была выдвинута гипотеза о вторичности укрепленного поселения в устье р. Куныянки по отношению к некоему территориальному центру на месте современного Демянска [29]. Соглашаясь с возможностью переноса топонима (например, в период запустения городища), отметим, что в остальном данное предположение пока не соответствует имеющимся археологическим данным. (В 1969 г. С.Н.Орловым, действительно, было открыто поселение с достаточно мощным культурным слоем, содержащим лепную и, возможно, раннегончарную керамику, на правом берегу р. Явони в черте Демянска, а также руины одиночной сопки на противоположном берегу [30], однако вопрос о статусе поселения и времени его существования не может быть решен без дополнительных полевых исследований).

К сожалению, формат данной публикации не позволяет более полно охарактеризовать различные аспекты жизни городища на всех этапах развития поселенческой структуры, а также развернуть в полном объеме аргументацию изложенных выше тезисов. Безусловно, предлагаемые выводы не могут претендовать на полное решение сформулированных задач и требуют более глубокого анализа имеющегося материала, а также продолжения полевых исследований.

1. Поселения: среда, культура, социум: Мат. темат. науч. конф. Санкт-Петербург, 6–9 окт. 1998 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С.7.
2. Подробную библиографию см.: Археология Новгородской области. Вып.1: Библиогр. указ. / Сост. Е.В.Торопова, Е.Е.Фролова. В.Новгород, 2007. 324 с.
3. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X — XIII вв. М.; Л., 1956. 184 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №52); Он же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X — XV вв. М.; Л., 1961. 242 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №105); Он же. О типологии древнерусских поселений // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1967. Вып. 110. С.3–9.
4. Куза А.В. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А.Колчин. М., 1985. С.39–104. (Археология СССР / Под общ. ред. Б.А.Рыбакова); Он же. Малые города Древней Руси. М., 1989. 166 с.
5. Куза А.В. Малые города... С.164.
6. Там же. С.51.
7. Там же. С.166.
8. Алексеева Т.И. Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С.38–39.
9. Подробнее см.: Алексеева-Бескина Т.И. Саморазвивающаяся система города и константы переходных процессов урбогенеза // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001. С.126–128.
10. Алексеева Т.И. Указ. соч. С.38, 39.
11. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С.19–20; Чернов С.З. Комплексное исследование русского средневекового ландшафта (экология культурной среды) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С.170.

12. Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990. С.5.
13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т.3. М., 2000. С.477; Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII — XV веков. М., 1998. С.67.
14. Новгородская первая летопись... С.421; Новгородские и Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т.4. СПб., 1848. С.242; Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. Т.6. СПб., 1853. С.193, 207; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т.8. СПб., 1859. С.164, 166, 185.
15. Софийская первая летопись по списку И.Н.Царского // Полное собрание русских летописей. Т.39. М., 1994. С.162.
16. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С.106 (Гр. №63); С.116 (Гр. №70); С.131 (Гр. №77).
17. Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т.2. С.499-501.
18. Писцовые книги Новгородской земли. Т.4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-1540-х гг. М., 2004. С.217.
19. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. С.358, 438.
20. Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С.155.
21. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X — XV вв. С.71.
22. Репников Н.И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1904. Вып.6. С.19.
23. Френ Х.Д. О восточных монетах, находимых в России // Сын Отечества. 1842. Кн. 7, июль. С.70.
24. Доленга-Ходаковский З. Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского 13-го липца 1822 г. // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских. М., 1844. Т.7. С.378.
25. Репников Н.И. Отчет о раскопках... С.18-19; Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Осташковском у. Тверской губернии и в Демянском уезде Новгородской губернии членом-сотрудником Императорского Русского археологического общества В.Н.Глазовым // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.1. Оп.1. 1903. №49. Л.101-105.
26. Орлов С.Н. Отчеты за 1973, 1976-78, 1980 гг. // Архив Ин-та археологии РАН. Р-1: №5162 на 21 л.; №6153 на 72 л.; №6652 на 30 л.; №8675 на 50 л.
27. Мильков В.В. Отчет о проведении раскопок у дд. Хозюпино и Липицы Демянского района и археологических разведках в Демянском и Валдайском районах Новгородской области // Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. №12195 на 23 л. Альбом №12195а на 42 л.
28. Конецкий В.Я. К истории сельского расселения и хозяйства в долине р. Ловать в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология (тез. науч. конф.). Новгород, 1992. Вып.6. С.42-43; Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли: Любытинский археол. сб. Любытино, 2002. Вып.1. С.5-66.
29. Васильев В.Л. Древний Демон и современный Демянск: этимология имени и проблема локализации // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Мат. науч. конф., Новгород, 28-30 янв. 2003. В.Новгород. 2003. Вып.17. С.304-323.
30. Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. №4277. Л.9-10.